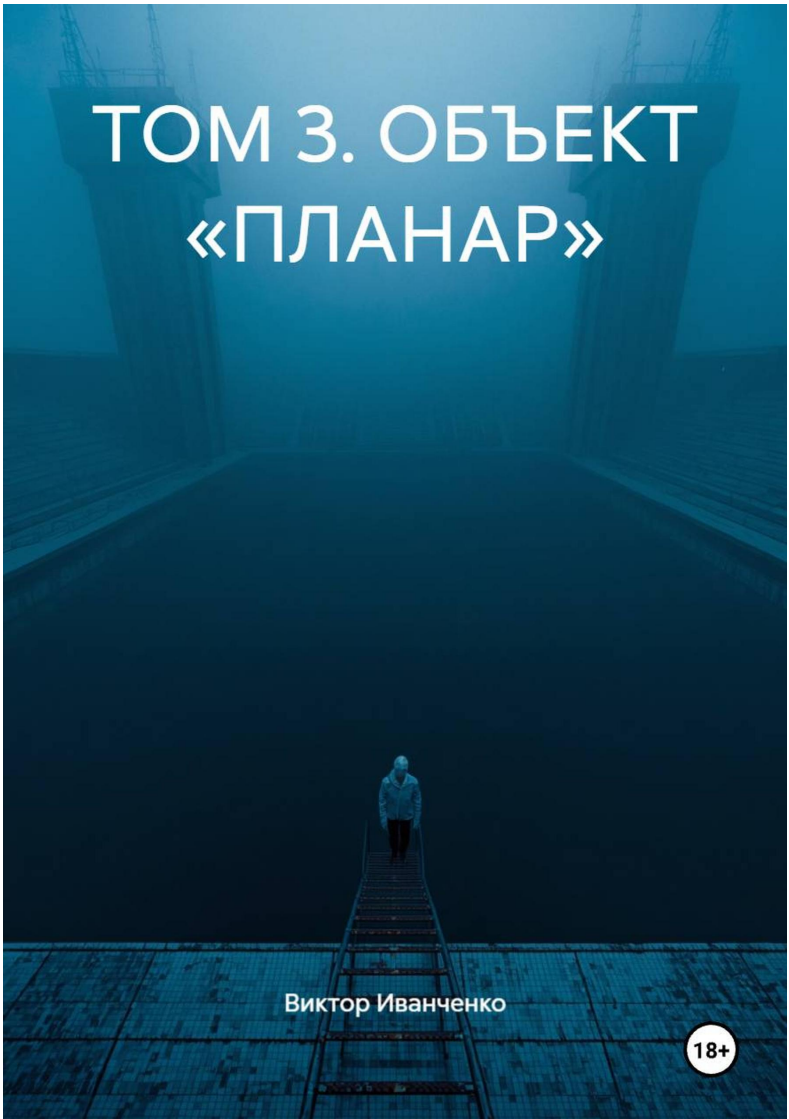
ТОМ 3. ОБЪЕКТ «ПЛАНАР»

Виктор Иванченко

18+

Виктор Иванченко

ТОМ 3. ОБЪЕКТ «ПЛАНАР»

https://litres.ru/74786919
SelfPub; 2026

Аннотация

Объект «ПЛАНАР»

Обвал Ховринской больницы не убил Ликвидатора Артёма Воронова и спасенную им студентку Марину — он выбросил их еще глубже, в «ПЛАНАР». Это бесконечный лиминальный лабиринт, застывший в эстетике позднего СССР. Здесь нет теней, люминесцентные лампы гудят на одной сводящей с ума ноте, а пространство плавно перетекает из одного советского кошмара в другой: бесконечный Дом моделей 1974 года, вечный Дворец пионеров, бездонный бассейн без воды, мертвый санаторий на берегу оловянного моря и несуществующий этаж обычной школы.

Порох на исходе, известковая ломка стягивает горло, а из застывшей декорации на героев выходят безликие манекены из папье-маше с бьющимися сердцами, пионеры с вросшими горнами и санитары с пустыми шприцами. Чтобы вырваться на свежий воздух Москвы, Артёму придется дойти до самого ядра системы. Но что, если выход наружу — лишь очередная, самая искусная ловушка?

Содержание

ГЛАВА 1. СЕКЦИЯ 4. ДОМ МОДЕЛЕЙ (1974) 4
ГЛАВА 2. КОНСТРУКТОР 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Виктор Иванченко
ТОМ 3. ОБЪЕКТ «ПЛАНАР»

ГЛАВА 1. СЕКЦИЯ 4. ДОМ МОДЕЛЕЙ (1974)

Первым вернулся не слух, а вкус. Во рту стояла густая, сухая известь, словно кто-то набил щеки побелкой, соскобленной с сырой подвальной стены. Язык прилип к нёбу, десны стянуло так, что заломило корни зуба мудрости. Артём с хрипом втянул воздух и тут же закашлялся — легкие обожгло пылью старых газет, прогорклым мучным клейстером и кислым, залежалым нафталином.

Он лежал на холодном паркете, сложенном «елочкой». Дерево под щекой не пахло сосной или дубом — от него тянуло сырым подполом и мышиным пометом.

Артём с трудом разлепил веки. Над головой, на недосягаемой, уходящей в молочную дымку высоте, висели длинные ряды люминесцентных ламп. Дроссели внутри них гудели на одной заунывной, сверлящей мозг ноте, звук ввинчивался прямо в темя, смешиваясь с противным, тупым стуком

в висках. Без пороха голова раскалывалась. Привычный защитный барьер, который давал разжеванный «Сокол», рухнул, оставив нервы голыми, как зачищенные провода.

Глянцевая темно полоса поперек левой ладони — память о «Бойне-04», где костяное щупальце пятиметровой мясной туши едва не отхватило ему кисть — дернулась, словно под кожей шевельнулся толстый червь. Матовый, пересушенный шрам на левом плече от «Мела-041» заныл тупой, тянущей болью.

— Марина... — голос вышел сиплым, чужим, похожим на скрежет наждачки по картону.

Рядом, в двух шагах, зашевелилась серая куча тряпья. Девушка лежала, подтянув колени к подбородку и вжав голову в плечи. Ее тонкие пальцы вцепились в воротник куртки, а на левом запястье багровел глубокий, пузырящийся ожог — след от бумажного трамвайного билета, который Артём выжег порохом в Депо 7.

Она не плакала. Только смотрела в одну точку перед собой широко раскрытыми, сухими глазами, и ее нижняя челюсть мелко, непрерывно дрожала. Перед глазами у нее все еще стоял Михалыч — старый сторож, уходящий под пузырящуюся, кипящую жижу бетона в провале недостроенной больницы.

Артём стиснул зубы, опираясь рукой о паркет, и рывком сел. В глазах потемнело, к горлу подкатила горячая, кислая волна изжоги. Он привычно сунул правую руку в карман

пропитанной мазутом и цементной пылью куртки, нащупал жестяную коробочку, потряс. Пусто. Ни единой порошинки. Все ушло. Пальцы сжали пустой металл до побеления костяшек, потом медленно разжали.

— Вставай, — тихо сказал он, подползая к девушке и осторожно беря ее за здоровое плечо. — Марина, слышишь меня? Надо встать. Лежать здесь нельзя.

Она вздрогнула всем телом, будто от удара током, медленно повернула к нему голову. Зрачки у нее были расширены почти на всю радужку.

— Там... Михалыч... — прошептала она, глядя сквозь Артёма. — Бетон... он же горячий был, Артём... он кричал, а я...

— Михалыч нас вытащил. Если мы сейчас сдохнем здесь, он погиб зря, — жестко отрезал Артём, хотя у самого внутри все скрутило в ледяной узел. — Поднимайся. Держись за меня.

Он помог ей встать на ноги. Марина качнулась, вцепилась здоровой рукой в его куртку и замерла, уставившись вперед.

Артём проследил за ее взглядом — и почувствовал, как по затылку пополз холодок.

Они находились в торговом зале. Огромном, как взлетная полоса, сталинском универмаге, которому не было видно ни конца, ни края. Массивные квадратные колонны, облицованные желтоватым искусственным мрамором, уходили вдаль бесконечной, удушающей перспективой, теряясь в сероватом тумане люминесцентного света. Под потолком висели

выцветшие аккуратные белые буквы: *«СЛАВА СОВЕТСКОЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ!»* и *«СЕКЦИЯ 4. ДОМ МОДЕЛЕЙ»*. Рядом, на одной из колонн, висел отрывной календарь с крупной красной цифрой «14» и черной надписью: *«Октябрь, 1974 г.»*.

Но страшнее всего была не бесконечность зала. Страшнее было то, чем он был заполнен.

Манекены. Десятки тысяч манекенов.

Они стояли плотными, ровными шеренгами на низких деревянных подиумах, вдоль бесконечных прилавков и просто на паркете, оставляя между собой лишь узкие, в полтора шага, проходы. Все они были сделаны по старой, кустарной технологии: грубое папье-маше из размоченных советских газет и серого упаковочного картона, слепленное на проволочном каркасе. Сквозь тонкий слой дешевой бежевой краски проступали обрывки типографских строчек — *«...выполним пятилетку...»*, *«...урожай зерновых...»*, *«...товарищ Брежнев...»*.

У них не было лиц. Вместо глаз, носа и рта — гладкие, чуть вогнутые овалы, заклеенные слоями желтой оберточной бумаги. И каждый манекен с головы до ног был обмотан мутным, пыльным техническим полиэтиленом, перетянутым на талии и шее грубой пеньковой бечевкой.

В зале стояла мертвая, ватная тишина, нарушаемая только монотонным зудом ламп под потолком. Ни сквозняка, ни шагов, ни единого живого звука.

Артём полез в карман, достал обрезанный разводной ключ-четверку. Тяжелая, холодная сталь привычно легла в правую ладонь, чуть уняв мелкую дрожь в пальцах. На левый пояс он прицепил карманный тактический фонарик, проверил в кармане старую бензиновую зажигалку.

— Идем вдоль колонн, — шепнул он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ничего не трогай. К ним близко не подходи. Ищи указатели выхода, лестницы, служебные двери — все, что угодно.

Они сделали всего пять шагов по узкому коридору между шеренгами безликих фигур в серых драповых пальто и кримпленовых платьях семидесятых годов, когда Марина резко остановилась и впилась пальцами в рукав его куртки.

— Стой, — выдохнула она так тихо, что Артём едва разобрал слово.

Он замер, вскинув разводной ключ. Прислушался. Гул ламп. Собственное тяжелое дыхание. Больше ничего.

— Что? — спросил он одними губами.

Марина не ответила. Она медленно повернула голову влево, уставившись на ближайший манекен — высокую женскую фигуру в коричневом шерстяном костюме, стоящую на краю деревянного подиума в полуметре от них.

Артём посмотрел туда же и похолодел.

Полиэтиленовая пленка на груди манекена, ровно там, где у человека находится левая половина грудной клетки, медленно, с сухим, противным шуршанием втянулась внутрь. А

через секунду — выпятилась наружу.

Тук-тук.

Звук был глухим, влажным и тяжелым. Так бьется огромное, налитое кровью сердце, запертое внутри пустой картонной коробки.

Тук-тук.

Слой бежевой краски на груди манекена треснул тонкой паутиной. Из трещины медленно выдавилась густая, мутная капля серо-желтой слизи, похожей на сырой обойный клейстер, и поползла вниз по газетам, оставляя мокрый след.

А потом манекен справа — мужской торс без ног, насаженный на ржавую металлическую трубу — с сухим, скрипучим треском картона повернул гладкую безликую голову ровно в их сторону. Пленка на его шее натянулась и лопнула.

И по всему бесконечному залу, от ближних рядов до самой молочной дымки на горизонте, пошел нарастающий, сухой шелест. Тысячи полиэтиленовых пакетов пришли в движение одновременно.

Ш-ш-ш-ш-ш...

Сухой полиэтиленовый шелест катился по гигантскому залу, как волна сухого камыша под порывом ледяного ветра. Тысячи безликих голов с хрустом ломающегося картона и треском старых газетных страниц поворачивались в одну точку — туда, где в узком проходе между подиумами замерли двое живых людей.

Мужской торс на ржавой трубе дернулся первым. Он не

шагнул — у него не было ног. Вместо этого металлическая опора с пронзительным, скрежещущим визгом проехала по паркету, вырывая щепки из старого дуба. Торс наклонился вперед, и из-под порванной пленки на его шее вывалился наружу серый, перекрученный жгут из скрученной в канат газетной бумаги, насквозь пропитанный мутным клейстером. Жгут метнулся к лицу Артёма, как хлыст.

Артём сработал на голых рефлексах, вбитых в мышечную память еще в «Ангар-18» и на «Бойне-04». Он рванул Марину за шиворот назад, сам присел, уходя из-под удара, и с размаху всадил тяжелый разводной ключ-четверку прямо в центр грудной клетки манекена.

Сталь проломила тонкую корку папье-маше с мерзким, хлюпающим звуком, будто удар пришелся по прокисшему арбузу.

Ключ ушел внутрь по самую рукоятку. Артём почувствовал, как сквозь металл в ладонь ударил горячий, сильный, неестественно живой толчок. Из пробитой дыры брызнула не кровь — густая, теплая серо-белая жижа с резким запахом кислого мучного клейстера и тухлой воды. В глубине каркаса из ржавой проволоки бешено колотился бурый, пульсирующий комок размером с кулак, оплетенный мокрыми газетными полосками вместо сосудов.

Артём с усилием провернул ключ в ране, разрывая внутренности манекена. Раздался сухой, хрустящий всхлип, пульсация оборвалась, и торс мешком рухнул на паркет, под-

нимая облако бумажной пыли.

— Назад! В проход между прилавками! — сказал Артём, выдергивая липкий, перемазанный клейстером ключ.

Но проход сзади уже перекрыли. С подиума слева с глухим стуком спрыгнула женская фигура в темно-синем платье. Ее колени не сгибались — картон на сгибах просто заломился с сухим треском, обнажив бурую проволоку. Она шагнула к Артёму, широко раскинув руки, обмотанные шуршащей пленкой.

Слева наваливался еще один — детский манекен без головы, в коротких шерстяных штанишках на лямках. Он двигался быстрыми, дергаными рывками, стуча деревянными подошвами ботинок по паркету.

Артём крутанулся, отбивая ключом руку женского манекена — кисть отлетела в сторону с сухим стуком, как кусок сухого гипса, — и тут же получил глухой, тяжелый удар в правый бок.

Детский манекен врезался в него на полном ходу. Из прорехи в его плече выплеснулась порция густого, обжигающе-липкого серого клейстера. Жижа мгновенно пропитала промасленную куртку Артёма, добралась до ребер и впилась в кожу ледяным, стягивающим холодом. Артём зашипел от резкой жгучей боли — будто к боку приложили раскаленный утюг и тут же облили ледяной водой. Клейстер на глазах схватывался, превращаясь в твердую, шершавую корку, намертво спаивающую ткань свитера с кожей.

— Артём! — вскрикнула Марина.

Она не стояла столбом. Шок сбило выбросом адреналина. Схватив с ближайшего прилавка тяжелую деревянную стойку для шляп, девушка с отчаянным, злым выдохом обрушила ее на безголовый детский манекен. Стойка раскололась пополам, но удар сбил тварь с ног. Манекен повалился на бок, его проволочные ноги судорожно заскребли по паркету, из-под рубашки гулко и часто застучало спрятанное сердце.

Артём, морщась от тупой боли в стянутом коркой боку, наступил подошвой ботинка на грудь поваленного манекена и с силой ударил разводным ключом. он хрустнул и затих.

— Бежим! — выдохнул он, хватая Марину за правую руку. — Не останавливайся, ни секунды!

Они рванули вперед по центральной аллее зала, лавируя между падающими с подиумов фигурами. Справа и слева тянулись безликие руки в шуршащем полиэтилене, цеплялись за одежду, оставляя на куртке длинные белесые полосы слизи. С каждым шагом у Артёма все сильнее темнело в глазах. Ломка без пороха накрывала второй волной: во рту пересохло так, что язык стал деревянным, глянцевый шрам поперек левой ладони пылал, а в ушах гул люминесцентных ламп начал складываться в мерный, гипнотический стук — *тук-тук, тук-тук, тук-тук* — в такт тысячам бумажных сердец вокруг.

Нужен был порох. Хоть щепотка. Хоть крупица селитры или угля, чтобы сбить эту проклятую известковую муть в го-

лове, иначе через десять минут он перестанет отличать стены от живого картона.

Впереди, сквозь молочную дымку и лес колонн, показалась высокая, темная перегородка из лакированного дерева с потускневшей латунной табличкой над широким проемом: *«ТОВАРЫ ДЛЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА»*.

— Туда! — крикнул Артём, таща задыхающуюся Марину к проему.

Они влетели внутрь секции, перепрыгнув через опрокинутый стеклянный прилавок с пустыми картонными коробками от рыболовных блесен. Артём с размаху толкнул тяжелый дубовый шкаф, стоявший у входа. Шкаф с грохотом рухнул поперек проема, наглухо перегородив вход. В ту же секунду в дерево с той стороны глухо забарабанили десятки кулаков и заскребли проволочные крюки.

Артём привалился спиной к стене, тяжело хватая ртом пыльный воздух, и выхватил с пояса тактический фонарик. Луч полоснул по полкам.

Пустые деревянные ящики. Ржавые капканы. Пыльные брезентовые патронташи. Запах старой ружейной смазки, кожи и прогорклого жира.

Он метнулся к дальнему стеллажу за прилавком, срывая с полок пустые жестяные банки с выцветшими этикетками. Пусто. Пусто. Пусто. Пальцы дрожали, сердце колотилось о ребра, как пойманная птица.

И вдруг на самой нижней полке, в самом углу, заваленный

стопкой старых выпусков «Охотничьей газеты» за семьдесят четвертый год, блеснул знакомый зеленый цилиндр с изображением сокола.

Артём рухнул на колени, не чувствуя боли, выхватил банку, сорвал крышку. Внутри, на самом донышке, пересыпались серо-зеленые, поблескивающие пластинки бездымного пороха. Немного — на три-четыре хороших щепотки. Но он был.

Не раздумывая, Артём высыпал щепотку прямо на ладонь и закинул в рот, с жадностью разжевывая сухие, горьковато-кислые пластинки.

Жгучая, резкая горечь обожгла язык. По телу мгновенно прошла ледяная волна. Гул в висках схлопнулся, туман перед глазами расступился, и мир вокруг снова обрел жесткие, четкие границы. Известковая сухость в горле отступила.

Артём выдохнул, прикрыл глаза на секунду, плотно закрутил крышку банки и сунул ее глубоко во внутренний карман куртки.

— Артём... — тихий, дрожащий голос Марины заставил его посмотреть в её сторону.

Девушка стояла у противоположной стены отдела, прижав здоровую руку ко рту, и смотрела на то, что скрывалось за порванной бархатной шторой в глубине помещения.

ГЛАВА 2. КОНСТРУКТОР

Тяжелая, выцветшая портьера из пыльного бордового бархата шевелилась, хотя в закутке охотничьего отдела не было ни малейшего сквозняка. Ткань мерно колыхалась — то надувалась парусом внутрь комнаты, то с тихим, змеиным шипением втягивалась обратно в проем, будто за ней кто-то тяжело и медленно дышал.

Артём перехватил разводной ключ поудобнее, ощущая под пальцами холодную рифленую сталь, и шагнул к Марине. Во рту все еще стояла спасительная, терпкая горечь бездымного «Сокола». Голова прояснилась окончательно: исчезла известковая пелена перед глазами, перестал пульсировать глянцевый шрам поперек левой ладони, даже жгучая стягивающая боль от свежей клейстерной корки на правом боку притупилась, ушла на задний план.

Снаружи, со стороны торгового зала, в поваленный дубовый шкаф продолжали глухо, монотонно долбить десятки картонных кулаков. *Бум-бум-бум...* Дерево трещало, верхняя петля уже вывернулась с мясом из косяка. Долго преграда не выдержит.

Артём тихо подошел к шторе, приложил палец к губам, давая знак Марине держаться за спиной, и резким движением отдернул пыльный бархат в сторону.

За шторой не было стены. Там начинался длинный, узкий

коридор служебного прохода, обитый темными лакированными панелями «под орех» и застеленный вытертой красной ковровой дорожкой. Под низким потолком с треском мигали редкие плафоны в металлических сетках. И пахло оттуда не пылью и бумагой — из коридора тянуло густым, приторным запахом нагретого столярного клея, горелой канифоли и сырого, потного тела.

— Пошли, — шепнул Артём, пропуская девушку вперед себя и прикрывая ее со спины. — Тихо. Наступай только на середину дорожки, доски под краями могут скрипеть.

Они двинулись по коридору. По обе стороны тянулись глухие двери с маленькими эмалированными табличками: *«ПРИМЕРОЧНАЯ 1»*, *«ПРИМЕРОЧНАЯ 2»*, *«ЗАКРОЙНЫЙ ЦЕХ»*, *«КОМНАТА ОТДЫХА МАНИКЕНЩИЦ»*.

Когда они поравнялись с дверью закройного цеха, Марина резко втянула воздух и замерла. Ее голова дернулась вбок, здоровое правое запястье судорожно сжало рукав его куртки.

— Там... стучит, — прошептала она, глядя на узкую щель под дверью. — Не как те. Медленно. И тяжело.

Артём прислушался. Сквозь тонкую фанеру доносился мерный, ритмичный лязг. *Клац-клац... вжик... клац-клац... вжик.* Звук огромных портновских ножниц, режущих что-то плотное, вязкое, хрустящее. И следом — влажный, хлюпающий шлепок, будто на стол бросили кусок сырого теста.

В этот миг за спиной, в конце коридора, раздался оглуши-

тельный треск ломающегося дуба. Шкаф в охотничьем отделе рухнул. По ковровой дорожке тотчас зашуршали десятки ног, обмотанных полиэтиленом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.